

ЛУНЕВСКИЙ Н. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛУНЕВСКИЙ Николай Иванович, родился в 1873. Получил высшее образование, литератор. Проживал в поселке Клязьма Московской области, писал статьи для газет и журналов. 2 февраля 1930 — арестован, 10 марта приговорен к 5 годам ИТЛ и 9 апреля отправлен в лагерь. 19 июня 1931 — освобожден из лагеря досрочно с заменой ссылкой на тот же срок и отправлен в деревню Большая Половина Юрлинского района Уральской области. 20 июля 1932 — приговорен ограничению проживания на оставшийся срок (-12), поселился в Гжатске, 2 апреля 1933 — Гжатск заменен на Орел¹. В июне 1934 — просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<24 июня 1934>

«Екатерине Павловне Пешковой.
(Помощь политическим заключенным)

1933 г<ода> 12-го Апреля мною отправлено в Президиум ВЦИК, Отдел частных амнистий по делам ОГПУ, прошение о помиловании и досрочном освобождении от ограничения в правах на жительство (-12). Того же 1933 г<ода> Ноября 4-го отправлены мною два прошения: на Ваше имя и на имя Московской Комиссии ОГПУ о снятии с меня ограничения в правах на жительство и о разрешении мне, — как инвалиду, преклонного возраста, не могущему по состоянию здоровья иметь какой-либо заработок, — жить с женою моею, изъявившей свое желание взять меня на свое попечение в прошении на Ваше имя и в Моск<овскую> Комиссию ОГПУ. Отсутствие до настоящего времени ответа на прошения мои повергает меня в полное уныние: затруднительность в оказании мне, — живущему отдельно и на далеком расстоянии от семьи моей, — помощи, и в связи с этим, мое недоедание продолжают, силы слабеют все более и более. Ввиду всего этого я и осмеливаюсь еще раз усердно просить Вашего ходатайства об удовлетворении вышеотмеченных мною просьб.

К настоящей просьбе побудили меня и следующие два обстоятельства: а) за время после подачи моих прошений Центральная Черноземная Область разделена на две: Воронежскую и Курскую, причем г<ород> Орел, где я проживаю, отнесен к Курской Области, дела же обо мне находятся в Воронеже, б) недавно состоялось постановление ЦИК СССР об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних Дел, куда перейдут дела ОГПУ. Осмеливаюсь спросить Вас, эти два обстоятельства не послужат ли еще большему осложнению при рассмотрении моих просьб, и потому не следует ли мне подать новые заявления еще в какую-либо инстанцию, имея в виду, что 5-летний срок моего лишения свободы оканчивается в начале следующего — 1935 — года?

Прошу простить меня за то, что намереваюсь утруждать Ваше внимание и нижеследующими строками. При писании своих прошений я старался излагать их как можно короче. Но иногда краткость может повредить существу дела. Между прочим, я слышал, что в концлагере существует порядок — засчитывать производимые заключенными работы для сокращения срока отбывания лишения свободы. О работах же своих я как раз ничего не писал. За время моего пребывания в концлагере (с 9 Апреля 1930 г<ода> по 19 Июня 1931 г<ода>) я, несмотря на физическую слабость, никогда не отказывался от поручавшихся мне работ, выполняя: 1) на I-м Рабочем п<ункте> Пинюжского уч<астка>: общие работы, должность дневального и одновременно уборщика и сторожа в Красном Клубе, должность уборщика в VIII роте; 2) на XI-м раб<очем> п<ункте>: общие

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 880. С. 139-147.

работы, должность дневального уборщика и ночного сторожа по I-й роте, дежурного по охране пункта на вышке; 3) на IX-м п<ункте>: общие работы и копчение рыбы; 4) на VII-м п<ункте>: очистку нечистот в уборных; 5) в Лузе — ту же работу; 6) в XX-й командировке Кунгурского уч<астка>: общие работы; 7) в Кунгуре: очистку нечистот в уборных; 8) в Усольском комбинате — общие работы; 9) в Усолье: общие работы; 10) в Соликамске — должность ночного сторожа и 11) в Усолке — ту же работу. — Кроме того, идя навстречу побуждениям концлагерных воспитателей — заниматься заключенным не только физическим трудом, но и культурно-полит-просветительской работой, я — в буквальном смысле слова — свободные от физических работ минуты посвящал писанию статей для стенгазет по общественно-политическим вопросам, за что и получал одобрение от воспитателей. Так, мною были поданы воспитателям:

XI-го рабочего п<ункта> Пинюжского уч<астка>: а) "Рассказ из концлагерной жизни"; б) "К вопросу о необходимости культ<урно>-полит-просветительской работы" (в 1930 г<оду>).

XI-го раб<очего> пункта: "Секрет освобождения из концлагеря" (в 1930 г<оду>).

VII-го пункта: а) "Против матерного слова"; б) "К годовщине Октябрьской Революции" (в 1930 г<оду>).

Тюю же самой работой занимался я (пока чувствовал в себе еще силы) и во время отбывания мною ссылки в г<ороде> Гжатске (Западной Области). Так, оттуда мною посланы (осенью 1932 г<ода>):

а) в Редакцию газеты "Известия" статья: "Русский баян рабочего пролетарского труда" (по поводу 40-летнего юбилея литературной деятельности М. Горького).

б) в Редакцию газеты "Правда": "Вещий сон" (Рассказ-шутка. Из неопубликованных материалов о блаженной памяти П. И. Милюкове).

в) Редакторам эсперантских журналов: "Международный язык" и "Бюллетень", написанные мною на эсперанто статьи: а) "М. Горький в отношении к пролетарскому рабочему труду"; б) "Детище Октября" (О Кантонской республике).

Достоуважаемая Екатерина Павловна! Если описанные мною работы мои могут послужить мне на пользу при рассмотрении поданных мною прошений, тогда не откажите довести об этом до сведения подлежащей Инстанции, прося ее не отказать мне в освобождении от ограничений и разрешении жить совместно с женой, находясь на ее попечении. В противном же случае, в особенности, если это неблагоприятно для меня осложнит дело рассмотрения моих просьб, я не буду утруждать Вас настоящей просьбой.

Адрес мой: г<ород> Орел, Ц<ентрално>-Ч<ерноземной> О<бласти>, улица Красина, д. № 88.

Луневский Николай Иванович.

1934 г<ода> Июля 24»².

В августе 1934 — Николай Иванович Луневский вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<20 августа 1934>

«Помощь политическим заключенным.
Екатерине Павловне Пешковой.

Луневского Николая Ивановича

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1252. С. 178-180. Автограф.

Заявление.

2-го Февраля предстоящего 1935 года исполнится 5 лет со дня лишения меня свободы. За это время меня постигла полная инвалидность, неоднократно засвидетельствованная медицинской комиссией во время пребывания моего как в концлагере, так и в высылке. В настоящее время, ввиду постоянного недоедания здоровье мое все более и более ухудшается. По этой причине, а также по преклонности возраста (мне – 61-й год от рождения) усердно прошу НКВД о досрочном снятии с меня ограничений и о разрешении мне, как инвалиду, переселиться на жительство к жене моей, Лидии Ив<ановне> Луневской (поселок Клязьма, при ст<анции> "Клязьма", Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>), которая еще в Ноябре прошедшего 1933 года подала в Моск<овскую> Коллегию ОГПУ заявление о желании принять меня на свое попечение, так как сам я по слабости здоровья не в состоянии иметь какой-либо заработок, оказывать же мне материальную поддержку (на которую исключительно я и существую) — издали для нее непосильно — ввиду множества лишних расходов (пересылка денег, продуктов и т<ому> п<одобное>) и дороговизны жизни в Орле.

Я арестован 2/II-1930 г<ода> и Ярославской Коллегией ОГПУ 10/III того же 1930 г<ода> осужден по ст<атье> 58 п<ункта> 10 к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Концлагерное заключение я отбывал в следующих местах: в I-м, в XI, IX и VII-м пунктах по Котласскому тракту, Пинюжского уч<астка> в Лузе, в XX командировке Кунгурского уч<астка>, в Кунгуре, в Усольском комбинате, в Усолье, в Соликамске и в Усолке. Несмотря на слабость физических сил, я никогда не отказывался ни от каких, поручавшихся мне в концлагере, работ, причем, ни от кого никогда не получал ни выговоров, ни замечаний. Свободные же от физического труда минуты я посвящал участию в культурно-просветительной работе. 19-го Июня 1931 года Особым Постановлением Коллегии ОГПУ концлагерное заключение мне, как признанному при медицинском освидетельствовании инвалидом, было заменено высылкой в Уральскую Область (дер<евня> Большая Половина, Юрлинского р<айо>на, Коми-Пермяцкого окр<уга>). 20-го Июля 1932 г<ода> Кудымкарским ОГПУ после нового медицинского освидетельствования мне даны ограничения (минус 12-ть), причем, местом для жительства мною был избран г<ород> Гжатск, Западной Обл<асти>. Там я пробыл до 2-го Апреля 1933 г<ода>, когда Вяземское ОГПУ объявило мне, что Западная Область является запретной зоной для административно в<ысланных>, и тогда местом для жительства я избрал г<ород> Орел, Ц<ентрально>-Ч<ерноземной> О<бласти>, где и нахожусь до настоящего времени. — Так как ни в концлагере, ни в Кудымкаре никому не выдавались на руки медицинские справки о здоровье, то я не имею возможности приложить их к настоящему заявлению, почему и осмеливаюсь просить Вас истребовать выписки из медицинских актов обо мне из Управления 2 отделения Вишерских лагерей и — из Кудымкарского ОГПУ, Уральской Обл<асти>. Медицинскому освидетельствованию в концлагере я подвергался в Усолье и — в Соликамске — в 1931-м году; во время же отбывания высылки в Уральской Области меня свидетельствовала Кудымкарская медиц<инская> Комиссия, заседавшая в с<еле> Юрле — в 1932 году.

1934 года Августа 14 дня. Луневский Николай Иванович.

Адрес мой: Орел, Ц<ентрально>-Ч<ерноземной> О<бласти>, улица Красина, д<ом> 88»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1252. С. 186-187. Автограф.